

постоянно такъ восторгался моею чистотой! Она была для него равносильна слѣпотѣ, которая закрывала мои глаза предъ дѣйствительной жизнью; она не допускала меня предположить, что всякій мужчина можетъ вести одновременно двоякаго рода жизнь: одну—для свѣта, какъ занимающій извѣстное положеніе, какъ искатель руки довѣрчивой дѣвушки, а другую — какъ человѣкъ, предающійся своимъ разнузданнымъ страстямъ. Да, я была слѣпа и безгранично наивна; если меня не могло научить жизни все то, что я лишь теперь отчетливо вспоминаю изъ прочитанныхъ романовъ и что я могла бы замѣтить, бросивъ вокругъ себя внимательный взглядъ на улицѣ. Гдѣ были тогда мои мысли, когда я читала эти романы и не замѣчала между строками, что вся эта чистая, высокая любовь ихъ героевъ сводится лишь къ одному: завлечь и обмануть ради удовлетворенія своего гнуснаго эгоизма? Гдѣ были тогда мои глаза, когда я, идя по улицѣ, не замѣчала этихъ погибшихъ, несчастныхъ женщинъ, которыя бродятъ мимо насъ и жизнь которыхъ является послѣдствіемъ ихъ жалкой участи? Но тогда меня оберегали отъ всего этого; съ одной стороны мама, а съ другой миссъ, какъ два ангела-хранителя, постоянно стояли на моемъ пути и своими крыльями скрывали отъ моего взора всю ту грязь, съ которой можно познакомиться на улицѣ. Но моя мать, вѣдь она должна же была знать, чему она меня обрекаетъ; она должна была бы предупредить и